

ГЛАВА 1

Мы вылетели в Бухарест почти сразу же, как закончилась стрельба, и приземлились в аэропорту «Отопени» вскоре после полуночи 29 декабря 1989 года. Нашу группу из шести человек, составлявших полуофициальный Международный наблюдательный контингент, встретили возле моего самолета «Лир». Для меня к трапу подкатили инвалидное кресло, но я отмахнулся и дошел до микроавтобуса сам, что было непросто. Нас провели через толчею, которая с начала румынской революции считалась таможней, а затем посадили в микроавтобус Национального бюро по туризму, предназначенный для особо важных лиц. Нам предстояла девятимильная поездка до города.

Встречавшая нас Донна Уэкслер из американского посольства показала на два пулевых отверстия в стене, возле которой стоял микроавтобус, но все и думать об этом забыли, когда проезжали по кольцевой развязке, соединяющей аэропорт с шоссе, и доктор Эймсли просто показал в окно.

Вдоль основного проезда, где в обычных условиях стояли бы такси, расположились танки советского образца, длинные стволы которых были направлены в сторону въезда на территорию аэропорта. Шоссе и крышу здания аэропорта обрамляли мешки с песком, а натриевые лампы желтоватым светом освещали каски и оружие солдат-охранников, оставляя в тени их лица. Другие люди — кто в форме регулярной армии,

кто в пестрой одежде революционной милиции — спали возле танков. На какое-то мгновение создалась полная иллюзия, будто все дорожки усеяны трупами румын, и я затаил дыхание, медленно выдохнув лишь после того, как один из «трупов» потянулся, а другой закурил сигарету.

— На прошлой неделе они отбили несколько контратак войск режима и сил секуритате, — шепнула Донна Уэкслер. По ее тону было ясно, что для нее это волнующая тема.

Раду Фортуна, маленький человечек, торопливо представленный нам возле аэропорта в качестве гида и уполномоченного переходного правительства, повернулся на своем сиденье и широко улыбнулся, словно его нимало не трогало происходящее.

— Они убивать много секуритате, — громко сказал он, улыбнувшись еще шире. — В три раза больше людей Чаушеску пытались взять аэропорт... В три раза больше их убили.

Уэкслер кивнула и натянуто улыбнулась, явно почувствовав себя не в своей тарелке. Доктор Эймсли перегнулся через проход. Отблеск последней натриевой лампы осветил на несколько секунд его лысину, а потом мы въехали в темноту пустого шоссе.

Я увидел только слабый отсвет улыбки румына во внезапно наступившей темноте.

— Чаушеску конец, да-да, — подтвердил он. — Вы знаете, они взяли его и эту его суку жену в Тырговиште... сделать... как вы это называть?... суд.

Раду Фортуна опять засмеялся, и смех его звучал одновременно и по-детски, и жестоко. Меня слегка знобило. Автобус не отапливался.

— Они делать суд, — продолжал Фортуна, — и прокурор говорить: «Вы оба сумасшедшие?» Понимаете, если Чаушеску и миссис Чаушеску сумасшедшие, тогда, может быть, армия просто отправить их в психушку на сто лет, как делают наши русские друзья. Понимаете? Но Чаушеску говорить: «Что? Что? Сумасшед-

шие... Как вы сметь! Это грязная провокация!» А его жена, она говорить: «Как вы можете такое говорить Матери вашего народа?» Тогда прокурор говорить: «О'кей, никто из вас не сумасшедший. Вы сами сказать». И тогда солдаты, они тянуть соломинки — так много хотеть это сделать. Потом счастливы выводить обоих Чауше-ску во двор и стреляют им в головы много раз. — Фортуна довольно хохотнул, будто вспомнил любимый анекдот. — Да, режиму конец, — сказал он доктору Эймсли. — Может быть, несколько тысяч секуритате, они этого еще не знать и продолжать стрелять в людей, но это скоро закончится. Проблема побольше: что делать с каждым третьим человеком, который шпионить для старого правительства, а?

Фортуна снова хохотнул, и в свете фар неожиданно появившегося встречного армейского грузовика я увидел, как он пожал плечами. Стекла с внутренней стороны начали покрываться изморозью. Руки у меня за-коченели, и я почти перестал ощущать пальцы ног в нелепых туфлях, которые надел утром. Когда мы въехали в город, я процарапал дырочку в инее на стекле.

— Я знать, что все вы очень важные люди с Запа-да, — сказал Раду Фортуна. Из рта у него — словно покидающая тело душа — вырвалось и поднялось к потолку салона туманное облачко. — Я знать, вы знамени-тый западный миллиардер, мистер Вернор Дикон Трент, который платить за этот визит, — он кивком по-казал на меня, — но я бояться забыть некоторые имена.

Донна Уэкслер всех представила:

— Доктор Эймсли от Всемирной организации здра-воохранения... Отец Майкл О'Рурк представляет здесь одновременно Чикагскую епархию и Фонд спасения детей.

— Ага, хорошо иметь здесь священник, — заметил Фортуна, и в его голосе мне послышалось что-то вроде иронии.

— Доктор Леонард Пэксли, заслуженный профес-сор Принстонского университета, — продолжала Уэкс-

лер. — Лауреат Нобелевской премии за 1978 год в области экономики...

Фортуна поклонился престарелому лауреату. Пэксли не проронил ни слова во время полета из Франкфурта, а сейчас казался потерянным в необъятном пальто и складках шарфа; он походил на старика, ищущего скамейку в парке.

— Мы приветствовать вас, — сказал Фортуна, — хоть у нас в стране и нет экономики в настоящее время.

— Черт возьми, неужели здесь всегда такой холод? — послышался голос из недр шерстяных складок. Нобелевский лауреат и заслуженный профессор топнул маленькой ножкой. — Холодина такая, что и у бронзового бульдога кое-что отмерзло бы.

— ...Мистер Карл Берри, представляющий АТТ — Американскую телеграфную и телефонную компанию... — торопливо продолжала Уэкслер.

Сидевший рядом со мной коротышка бизнесмен вынул трубку изо рта, выпустил вверх струю дыма и, кивнув в сторону Фортуны, опять принялся курить, будто трубка была необходимым источником тепла. Передо мной на мгновение мелькнуло нелепое видение: все семеро сидящих в этом автобусе сбились в кучу вокруг тлеющих в трубке Берри угольков.

— ...И вы сказали, что помните нашего спонсора, мистера Трента, — закончила Уэкслер.

— Да-а-а, — протянул Раду Фортуна. Глаза его блеснули, когда он посмотрел на меня сквозь дым трубки Берри и облачко пара от собственного дыхания. Я почти разглядел свое отражение в его сверкнувших зрачках: некий очень старый человек с глубоко посаженными глазами, еще более ввалившимися после утомительной поездки, с каким-то скособоченным телом, облаченным в дорожные костюм и пальто. Уверен, что на вид я был старше Пэксли, старше Мафусаила... старше самого Господа Бога.

— Кажется, вы уже бывать в Румыния? — спросил Фортуна.

Я обратил внимание на неестественный блеск глаз нашего гида, когда мы въехали в освещенную часть города. Сразу после войны мне довелось побывать в Германии. Сейчас картина, открывавшаяся из окна впереди Фортуны, напоминала увиденное там. На Дворцовой площади стояло множество танков, черные громады которых могли бы показаться безжизненными горами холодного металла, если бы башня одного из них не повернулась вслед нашему микроавтобусу, когда мы проехали мимо. Были здесь и покрытые копотью останки автомобилей, и по крайней мере один бронетранспортер, представлявший собой всего лишь гору обугленного железа. Повернув налево, мы миновали Центральную университетскую библиотеку. Ее золоченый купол и затейливая крыша обрушились в пространство между испачканными сажей, выщербленными стенами.

— Да, — ответил я. — Я бывал здесь раньше.

Фортуна наклонился в мою сторону:

— А может быть, на этот раз одна из ваших корпораций будет открывать здесь завод, а?

— Может быть.

Его взгляд неотступно следил за мной.

— Мы здесь очень дешево работать, — шепнул он так тихо, что я сомневаюсь, слышал ли его кто-нибудь еще, кроме Карла Берри. — Очень дешево. Работа здесь очень дешевый. Жизнь здесь очень дешевый.

Мы свернули налево с пустынной площади Виктории, потом еще раз, но уже направо, на бульвар Николае Бэлческу, и вот наш микроавтобус со скрипом остановился перед самым высоким зданием города — двадцатидвухэтажным отелем «Интерконтиненталь».

— Утром, господа, — сказал Фортуна, поднимаясь и показывая рукой в сторону освещенного вестибюля, — мы будем смотреть новую Румынию. Желаю вам сна без сновидений.

ГЛАВА 2

Весь следующий день наша группа потратила на встречи с «официальными лицами» переходного правительства, в основном членами недавно созданного Фронта национального спасения. День был настолько сумрачным, что включилось автоматическое уличное освещение вдоль широких бульваров Бэлческу и Республики. Здания не отапливались или, по крайней мере, этого не ощущалось. Те мужчины и женщины, с которыми мы разговаривали, выглядели практически одинаково в своих не по росту больших однообразных шерстяных пальто тусклых расцветок. К концу дня мы успели переговорить с каким-то Джуреску, двумя Тисманяну, одним Борсойю (который, как в конце концов выяснилось, не имел никакого отношения к новому правительству и был арестован почти сразу же после нашего ухода), несколькими генералами, в том числе с Попеску, Лупоем и Дьюржу, и, наконец, с истинными руководителями, среди которых были Петре Роман, премьер-министр переходного правительства, а также Ион Илиеску и Думитру Мазилу, президент и вице-президент при режиме Чаушеску.

Все они высказывали одну и ту же мысль: «Мы несем ответственность за нацию, и любые рекомендации для наших учреждений и организаций будут восприняты с бесконечной благодарностью». Официальные лица обращались ко мне с величайшим почтением, потому что не только знали мое имя, но и представляли себе объемы стоявших за мной капиталов. Тем не менее даже это подобострастное внимание носило оттенок какой-то растерянности. Они напоминали лунатиков среди хаоса.

Возвращаясь в тот вечер в «Интерконтиненталь», мы видели, как толпа — в основном из конторских работников, уже покинувших свои каменные ульи в центре города, — била и пинала троих мужчин и женщину.

Раду Фортуна ухмыльнулся и показал на широкую площадь перед отелем.

— Вон там... на Университетской площади на прошлой неделе... когда люди выходить на демонстрацию и петь — знаете? Армейские танки давить людей, еще больше стрелять. Эти, наверное, информаторы секретате.

Прежде чем микроавтобус остановился перед отелем, мы заметили, как солдаты в форме уводили, подгоняя прикладами автоматов, предполагаемых информаторов, а толпа сопровождала их плевками и пинками.

— Нельзя сделать омлет, не разбив яйца, — пробормотал наш заслуженный профессор. Отец О'Рурк стрельнул в него взглядом, а Раду Фортуна поощрительно хохотнул.

— Мы думали, Чаушеску получше приготовился к осаде, — сказал после ужина доктор Эймсли. Мы оставались в ресторане, поскольку здесь, казалось, было теплее, чем в наших номерах. По большому залу бесцельно бродили официанты и несколько военных. Репортеры управились с ужином быстро, издавая при этом максимум шума, и вскоре отправились в какое-то другое место, куда обычно ходят напиваться и говорить друг другу циничные вещи.

Раду Фортуна присоединился к нам, когда подавали кофе, и сейчас он обнажил в фирменной улыбке щербатые зубы.

— Вы хотите видеть, как Чаушеску готовиться?

Доктор Эймсли, отец О'Рурк и я кивнули в знак согласия. Карл Берри решил пойти в свой номер, чтобы дожидаться там звонка из Штатов, а за ним последовал доктор Пэксли, бормоча под нос, что нужно пораньше лечь спать. Фортуна вывел нас троих на холод и по темным улицам повел к закопченным стенам президентского дворца. Из тени появился ополченец, поднял ствол своего «АК-47» и окликнул нас лающим голосом, но Фортуна что-то спокойно сказал, и всех пропустили.

Во дворце не было света, не считая случайных огоньков в огромных, раскиданных повсюду бочках, в кото-

рых спали или сбились в кучу, чтобы согреться, солдаты и ополченцы. Кругом поломанная мебель, с окон двадцатифутовой высоты содраны портьеры, пол усеян бумажками, а строгий кафель испещрен темными полосами. Фортуна провел нас по узкому залу, через ряд комнат жилого вида и остановился перед чем-то вроде стенового шкафа без каких-либо пометок на дверцах. Внутри шкаф площадью фута в четыре оказался пустым, если не считать трех фонарей на полке. Фортуна зажег фонари, протянул один из них Эймсли, а другой мне, после чего прикоснулся к окантовке в верхней части задней стенки. Панель медленно сдвинулась в сторону, открывая каменную лестницу.

— Мистер Трент, — заговорил Фортуна, глядя на мою трость и трясущиеся руки старого человека. Свет фонаря отбрасывал на стены дрожащие тени. — Здесь много ступеней. Может быть... — Он потянулся к фонарю.

— Ничего, справлюсь, — буркнул я сквозь зубы. Фонарь остался у меня.

Раду Фортуна пожал плечами и повел нас вниз.

Следующие полчаса прошли как во сне, почти вне реальности. Лестница спускалась в гулкие подземелья, откуда расходился лабиринт каменных тоннелей и других лестниц. Когда Фортуна вел нас по этому лабиринту, свет фонарей отражался от сводчатых потолков и гладких стен.

— Бог ты мой, — пробормотал Эймсли минут через десять ходьбы, — это тянется на мили.

— Да-да, — улыбнулся Раду Фортуна. — На много миль. Здесь были складские помещения с автоматами на полках и висящими на крюках противогазами; командные пункты с радиостанциями и выглядывающими из темноты телемониторами, причем некоторые из них были разбиты, будто некие сумасшедшие с топорами вымещали на них ярость, а другие — все еще под прозрачными пластиковыми чехлами — ожидали только операторов, которые бы их включили; были здесь и казармы с койками, печками и керосиновыми обогревателями,

вызвавшими у нас зависть. Некоторые помещения оставались практически нетронутыми, другие явно были исходным пунктом панического бегства или местом не менее панических перестрелок. Стены и пол одного из таких бункеров были заляпаны кровью, потеки которой при свете наших фонарей выглядели скорее черными, чем бурыми. В дальних уголках тоннелей еще оставались трупы: одни плавали в лужах крови, стекавшей из люков сверху, другие валялись за наспех сооруженными на перекрестках подземных улиц баррикадами. Под каменными сводами пахло, как в лавке мясника.

— Секуритате, — сказал Фортуна и плюнул на тело в коричневой рубашке, лежавшее ничком в подернутой ледком луже. — Они разбежаться здесь, как крысы, и мы кончать их, как крыс. Понимаете?

Отец О'Рурк присел на корточки рядом с одним из трупов и склонил голову. Он довольно долго оставался в таком положении, а потом перекрестился и поднялся. Я вспомнил, как кто-то говорил, что этот бородастый священник был во Вьетнаме.

— Но Чаушеску не стал скрываться в этом... укреплении? — спросил доктор Эймсли.

— Нет, — улыбнулся Фортуна.

Доктор огляделся.

— Но ради бога скажите почему? Если бы он отсюда руководил вооруженным сопротивлением, то смог бы продержаться несколько месяцев.

Фортуна пожал плечами.

— Я не знаю... Это чудовище, он сбежал на вертолете. Он лететь... так? Летел, да... он летел в Тырговиште, семьдесят километров отсюда... Понимаете? Там другие люди его видеть и его суку жену и сажать в машина. Они ловить.

Доктор Эймсли поднес фонарь к входу в другой тоннель, откуда веяло страшным зловонием, и тут же отдернул руку.

— Но я не понимаю почему... — Фортуна подошел поближе, и резкий свет выхватил из темноты застарелый шрам на его шее, который я заметил только теперь.

— Они говорить, его... советник... Темный Советник... сказал ему не ходить сюда. — Он усмехнулся. Отец О'Рурк посмотрел на румына.

— Темный Советник. Звучит так, будто консультантом у него был сам дьявол.

Раду Фортуна кивнул.

— А что, дьявол сбежал? — хмыкнул доктор Эймсли. — Или он среди тех бедолаг, что мы там видели?

Наш провожатый не ответил и вошел в один из четырех тоннелей, расходящихся от этого места. Каменная лестница уходила вверх.

— К Национальному театру, — негромко сказал он, показав рукой. — Он поврежден, но не разрушен. Ваш отель рядом.

Священник, доктор и я начали взбираться по лестнице при свете фонарей, отбрасывавших наши тени на пятнадцать футов вверх по закругленным каменным стенам. Отец О'Рурк остановился и посмотрел вниз, на Фортуну.

— А вы не идете?

Маленький проводник улыбнулся и покачал головой.

— Завтра мы везти вас туда, где все это началось. Завтра мы едем в Трансильванию.

— Трансильвания... — повторил доктор Эймсли. — Убежище Белы Лугоши*. — Он повернулся, чтобы сказать что-то Фортуне, но маленький человечек уже исчез. Ни звук шагов, ни отсвет фонаря не указывали, по какому из тоннелей он ушел.

ГЛАВА 3

Полет в Тимишоару, город примерно с трехсоттысячным населением в Западной Трансильвании, на стареньком, восстановленном турбовинтовом «Туполеве», теперь принадлежащем государственной авиакомпании

* Первый исполнитель роли Дракулы в кино.

«Таром», доставил нам немало неприятных минут. Власти не позволили передвигаться по стране на моем «Лире». Нам повезло: вылет задержался всего на полтора часа. Большую часть пути мы летели в облаках, а салон самолета не освещался, но это не имело значения, потому что стюардесс не было и никто не надоедал нам предложениями еды или легкой закуски. Доктор Пэксли почти все время ворчал или стонал, но рев двигателей и скрип металла, когда самолет, раскачиваясь и подсакивая, преодолевал восходящие воздушные потоки и грозовые тучи, почти полностью заглушали его жалобы.

Сразу после взлета, за несколько секунд до входа в облака, Фортуна перегнулся через проход и показал в иллюминатор на покрытый снегом остров посреди какого-то озера милях в двадцати к северу от Бухареста.

— Снагов, — сказал он, наблюдая за выражением моего лица.

Глянув вниз, я успел заметить темную церковь, перед тем как облака закрыли вид, и перевел взгляд на Фортуну.

— И что?

— Здесь похоронен Влад Цепеш, — пояснил Фортуна, все еще наблюдая за мной. Он именно так и произнес: «Цепеш».

Я кивнул. Фортуна, несмотря на тусклый свет, погрузился в чтение одного из взятых у нас номеров журнала «Тайм», хотя для меня так и осталось загадкой, как можно читать или просто на чем-то сосредоточиться при такой болтанке. Через минуту сзади ко мне наклонился Карл Берри и шепотом спросил:

— А кто это такой, Влад Цепеш? Кто-нибудь из погибших в боях?

В салоне было так темно, что я едва различал лицо Берри в нескольких дюймах от себя.

— Дракула, — ответил я представителю АТТ. Берри разочарованно выдохнул и, откинувшись на спинку кресла, пристегнулся ремнем, так как болтанка стала нестерпимой.